
Зинаида ДУДЧЕНКО

ОЧЕРК ОБ ОТЦЕ

*Посвящается ветерану Великой
Отечественной войны и поэту по
состоянию души
Сапрыкину Ивану Алексеевичу.*

1. Воспитанник батальона

Зима 1933 года — время голодное. Ивану 13 лет. Вот как вспоминал он это время: «Я самым старшим был в семье из десяти детей. Весной пахал и боронил по мере детских сил. В тридцать второй и третий годы случился недород, к тому же кулаки много вредили. И побежал из сёл народ — и погибал без сил. Мальцом я сусликов ловил. Из лебеды, с добавкой из воробьёв, готовил плов и младшеньких кормил. Отец же попрекал меня пристрастием к виршам. Когда в овсы заходила свинья, ходила по спине моей отцовская вожжа»...

После одного из таких случаев и убежал Иван из дома. Решил он из посёлка Редкодуб Курской области махануть поездом в город Сталино (ныне Донецк), к бабушке. Маршрут знал, не раз с отцом за продуктами в Украину наезжали. А теперь у родителей — детей мал мала меньше, лишний кусок не помешает. К бабушке доехал, а она назад завернула — самой жрать нечего. Иван домой не вернулся, стал беспризорничать. Был он мальчиком красивым, с карими бесхитростными глазами, потому частенько сердобольные женщины при виде его смиренного голодного взгляда снисходили к предложению помочь поднести тяжёлые сумки с рынка, чтобы потом налить тарелку супа с ломтем хлеба. И он ел, держа тарелку на коленях, сидя на ступеньках крыльца, как правило, одноэтажного домика, были такие чуть поодаль от центра. Натура у Ивана была возвышенная, тонкая, поэтому грязь улицы к нему не приставала, воровать он так и

не научился, но зато научился делать поделки из мягких металлов. Иногда их удавалось сбывать: либо браслетик, либо колечко. Он понимал, что надёжней всего иметь ремесло или посильную работу. Так однажды, ближе к лету, прочёл он на стене объявление о том, что в сапёрном батальоне, дислоцировавшемся в Артёмовске, на подсобное хозяйство требуется пастух для свиней. Иван обрадовался привычной крестьянской работе, знал, что с ней справится — и не надо будет рыскать в поисках еды.

В Артёмовске стояла 80-я Ордена Ленина дивизия саперного батальона. В воинской части, куда он явился устраиваться, ему предложили 65 рублей за работу и тут же посчитали расходы: хлеб на месяц — 30 рублей, «приварок» — 33 рубля, остаётся 2 рубля на личные расходы. Из одежды выдали б/у. И потянулись трудовые будни. Работа была нетяжелая: главное — смотреть, чтоб свиньи не разбрелись и не зашли в посевы, на пшеничное поле неподалеку. Иван брал с собой тетрадку и карандаш, чтобы сочинять стихи, сидя в тени под деревом, поглядывая на свиней. Теперь же он стал задумываться: «Сегодня хлеб есть, но как жить дальше?». Слышал он от ребят на улице, что, если обратиться прямо к Сталину, то он обязательно поможет, такой вот человек: обо всех детях переживает.

И написал-таки письмо: «Москва, Кремль, тов. Сталину, — подумал чуток и добавил: — и Ворошилову». Это, если вдруг товарищ Сталин будет занят. В письме он рассказал, что в семье, кроме него, девять детей голодают. Что сам он сейчас — пастух свиней, от батальона в селе Красногоровка. Что взрослеет, а не учится, и очень хочет чему-нибудь научиться.

Вскоре получил он задание от командира: дорожки на территории воинской части посыпать песком. По всему видно — в воинской части ждали гостей. Песок нужно было натаскать из карьера.

Рано утром отправился за песком, а на обратном пути его обогнала машина с какими-то незнакомыми военными. Они притормозили, стали спрашивать, куда песок несёт и почему босой. Кстати, ботинки он нёс через плечо — берег.

Позднее его вызвали к командиру к 2-м часам и повезли в батальон, где командир саперного батальона, пригласив заведующего складом, сапожника и портного, приказал подобрать «сапоги юхтовые джимы». Портному велели подобрать или перешить форму по фигуре. Комиссар, по просьбе Ивана, ещё походатайствовал, чтоб кладовщик выдал красивый ремень от портушеи через плечо. Командира роты товарища Сначука назначили «названным отцом», ответственным за его дальнейшее обучение и устройство в жизни. Стал Иван Сапрыкин в 1935 году воспитанником отдельного саперного батальона города Сталино, 80-й Ордена Ленина дивизии Донбасса.

И в школу его определили в 5-й класс. Учиться пришлось с детьми младшего возраста, сказалось время беспризорничества. Ребятишки дразнили: «Военный здоровенный». Директор школы обращался: «Ваня-построй-школу». Окончил 6-й класс, и направили его в Горкомхоз, чтоб обучить профессии электрослесаря, но через три месяца перевели в столяры: медкомиссия обнаружила врожденный порок сердца. Вскоре появилось место в Школе мастеров соцтруда отделения железной дороги, и воспитанника саперного батальона направили в Дебальцево. Выпуск специалистов железнодорожного транспорта состоялся в 1937 году. До совершеннолетия ему оставалось 2 месяца.

II. Совершеннолетие

После Должанской (Луганская область) месячной практики Ваню назначили на станцию Дарьевка дежурным по станции, впрочем, не сразу, а гоняли до совершеннолетия. Затем — всё-таки на Дарьевку, в Ворошиловградскую область, в качестве активной комсомольской прослойки. В Дебальцево в Школе мастеров соцтруда в 1936 году Иван был принят в комсомол. После Дарьевки были ещё станция Избище Курской области Касторенского района, это уже ближе к родному дому. В этот период Иван заметно окреп морально, уже не чувствовал себя выброшенным из жизни страны, как это было в период беспризорной жизни. Наоборот — он, комсомолец, активный строитель-созидатель — теперь в едином строю, в единой семье. И всё, что случается в родной стране, касается и лично его. Он гордился тем, что находился в одном строю со всей страной.

Неудивительно, что и гибель Валерия Чкалова, легендарного лётчика, Героя Советского Союза, участника беспосадочного перелёта Москва — Северный полюс — Ванкувер (США), оказалась для него, как и для многих советских граждан, потрясением. Тогда он написал в своей заветной тетрадке:

В сердцах народных масс
Наш Чкалов будет жить,
Но жаль, что больше трасс
Ему не проложить.

Потом, в 1939 г., его перевели на станцию Нижнедевицк. Отсюда Ивана и призвали в феврале 1939-го в Красную Армию, направили в Винницу, в полковую школу разведчиков и связистов 441 корпусного артиллерийского полка.

Вскоре, в сентябре, когда нацистская Германия оккупировала Польшу, Советский Союз взял под защиту народ и земли, ранее, до 1918 г., относившиеся к Российской империи, воссоединив в 1939 году Западную и Восточную Украину и Белоруссию, отодвинув границы Польши на запад.

Появились 3-колёсные мотоциклы, а затем автомобили марки ЗИС. Иван освоил эту технику, и в дальнейшем работал уже шофером.

III. Финская эпопея

«В 1939-м реакционные силы Финляндии спровоцировали советско-финляндскую войну» — официальная формулировка руководства СССР. Но каждый, кто по воле судьбы оказался на этой войне, рассуждал так: мол, у руководства возникла идея создания Карело-Финской республики путём обмена территорий Кольского Севера на Финский перешеек. Это была стратегическая задача...

Двадцатилетний Иван успел застать и поучаствовать в финской эпопее. Рассказ Ивана, впоследствии Ивана Алексеевича, не изобиловал картинами боев. Это, так сказать, будни войны. Память выхватывала яркие вспышки неординарных событий. Так, в январе 1940 г. рядовой военнослужащий Иван Сапрыкин вёл машину по замёрзшему насту болота: возвращались в расположение, везли снаряды. Вдруг, взору открылась жуткая картина: на пнях спиленных сосен увидели сидевших около десяти обнаженных женщин. Водитель остановил машину и вместе с сержантом, сопровождавшим груз, подошел поближе. На пнях действительно сидели окоченевшие... трупы, — контрразведка, видимо, постаралась. Такова она, война. На её дорогах не до деликатных отношений: либо ты врага, либо враг тебя. То была месть за «месть». Оказывается, в направлении от Перкерьярве до Никольярве располагался батальон финских снайперов-женщин — так называемые «кукушки», мстительницы за своих погибших мужей. Они забирались высоко на сосны и прятались в хвое, откуда хорошо просматривалось расположение части, и обстреливали наш командный состав...

В марте по окончании финских событий часть расформировали и отправили назад в Винницу, в свой 441-й артиллерийский полк.

IV. Десант в Бессарабию

Летом 1940-го в Виннице солдат погрузили в вагоны, а разгрузили в Приднестровье. Заняв Измаил, порт на Килийском рукаве Дуная, они пересели в машины и, с горы на гору, добрались до города Бендеры. Остановились в ближнем селе. Раскинули полевую кухню на колёсах и, на радостях, что переезды закончились, вычерпали всю воду в ближайшем колодце: помылись и еду сварили, посуду всю вымыли и постирались. Когда хозяин колодца увидел, что происходит, очень ругался, объясняя, что воды в селе нет, что вода только дождевая, потому расходуют её здесь, как правило, очень экономно. Тогда на следующий день отцы-командиры раздобыли где-то бочку-водовозку и частично замяли конфуз. Больше подобных инцидентов не было. Вообще, надо сказать, забытые и заброшенные румынскими властями крестьяне, обитающие между реками Днестр и Прут, выживали, как могли. Тем не менее, они приветствовали вошедших красноармейцев и, конечно, угощали их традиционным молдавским вином.

V. Великая Отечественная война

За пять дней до начала войны поступило распоряжение на передислокацию полка в леса у Львова. Грузились в Проскурове, ныне город Хмельницкий. По прибытии в лесу расположились лагерем, обустроились и замаскировались. Отсюда была видна просека и Яворивский аэродром. Самолёты летали с утра до вечера. Понятно, что шли ученья. Уставшие от постоянного гула, солдаты с нетерпением ожидали субботы-воскресенья в надежде отдохнуть. Иван вспоминал встречу с отцом, первую после побега из дома и беспризорничества, замирение с ним, а вскоре и проводы Ивана на службу в действительную.

Иван написал письмо отцу, написал длинно, подбирая тёплые слова. Повзрослев, он стал понимать, как много не додал им, своим старикам, душевного тепла, помнил, постаревшее лицо отца при их последней встрече. Потом он настроился на лирический лад, в надежде отдохнуть в субботу и воскресенье от гула самолётов.

Но с утра в субботу в лесу под Львовом их разбудил зычный голос: «Подъём!» Начались шум, гам, неразбериха... Кто-то командовал построением в колонны. В разгаре — июнь 1941 года.

Генерал-лейтенант Власов А.А., командир 37 корпуса 441 корпусного артиллерийского полка, раздражённо прокричал командиру дивизиона:

— Куда ведёте людей?

В ответ услышал:

— Приказано на сборный пункт.

Власов выругался матом и вновь заорал:

— Почему без техники? Разойтись! Техсостав, ко мне! — И немного погодя, после короткого совещания, скомандовал: — Готовить машины к походу.

Старшина, замполитрук, комсомольская прослойка, Иван Сапрыкин отправился к машинам, стал заглядывать в бензобаки. В один, второй, третий... Из одиннадцати автомашин — только у одной полбака горючего, а у других — по трети или того менее. Обратился к воентехнику:

— У машин нет бензина.

Воентехник велел набрать хотя бы по полбака. Началась суматоха с переливанием, осмотром техники, подготовкой к марш-броску. Подготовили семь машин. Двинулись по дороге на Львов. Один «ЗИС-5» заглох на переезде, перекрыв движение, его столкнули в кювет. Перезагрузили бензин и солярку в остальные машин и опять двинулись на запад.

Вдруг увидели мотоциклы — повернули к базе. Командир батареи скомандовал:

— Ровики! — это означало — «окопаться».

И тут комбат, видно, заподозрив неладное, прикинул возможность отступления. Обратился к Ивану:

— Иван, какая из машин самая хорошая?

— Та, что была на Финском.

— Садись. Если что, я и Хаустов...

— Куда?

— А, куда все.

Кажется, на дороге у всех были панические настроения. Кто-то голосовал, чтоб уехать, кто-то останавливал и просил запасные скаты.

Подошёл помощник по техчасти полка:

— Скаты есть, Иван?

— У меня только камера и покрышка.

— Монтируйте, — велел Ивану.

Тут вмешался комбат, приказав:

— Отдайте ключи, пусть сами монтируют.

Помощник по техчасти полка, чтоб завладеть скатами, обстрелял объезжающую медицинскую машину другого полка. Разбираться все равно было некому.

Подъехали к селу, а в селе — вой собак. Остановились посмотреть, в чём там дело, и спросить дорогу на Львов. Указали просёлочную. Поехали. Солнце поднималось над лесом и осветило лежащих неподалеку от церкви пять или шесть убитых красноармейцев... Тем временем в небе торжественным строем летели и устрашающе гудели чьи-то самолёты. И всё на Восток...

Пролетела итальянская рама, разбросала листовки. Содержание на русском языке такое: «Когда был свергнут царский ненавистный строй, вам обещали землю и свободу, так где она, земля? В колхозах. Свободу попирают жидаы и комиссары. Примыкайте к революционной германской армии, вместе пойдём на Москву и Киев». Примерно, так. Один местный житель кинулся было за упавшей пачкой листовок и упал, как подкошенный. Никто так и не понял, откуда был выстрел. Шёл уже второй день войны.

А на четвёртый день войны горел Львов. Трудно было понять, где теперь свои, где «чужие». Части беспорядочно отступали. Иван выяснил, что на Тернополь есть две дороги. С ним прорывались ещё четверо военнослужащих. И вдруг раздался взрыв...

Лейтенант Хаустов увидел, как разорвалась бомба и как засыпало землёй сержанта Ивана Сапрыкина. Он тут же кинулся раскапывать Ивана. Тот был без сознания, но живой: контузия, ранение в живот и в ногу. Семь дней в коме. Его доставили из Львовского госпиталя в Винницкий, а когда и тот стали бомбить, — в Тульчинский. Едва он поднялся на костыли, его выписали под домашний уход, выдав справку на три месяца, а после излечения — явка в местный военкомат. Добирался своим ходом.

Так закончилась его служба под командованием генерал-лейтенанта А.А. Власова, начальника 37-го корпуса 441-го корпусного артиллерийского полка. Он запомнился Ивану бездеятельным, неумелым руководителем, не сумевшим обеспечить своё подразделение даже горючим, который потерял более половины единиц техники, оставив её врагу без боя.

Возможно, что в самом начале войны он с частью военных полка, оторванных от центра и растерянных, попал в плен, был завербован. Слишком разительна была разница между моторизованными, стремительно наступающими войсками вермахта и растерявшимися защитниками СССР. Это его так пугало, что генерал-лейтенант заранее выбрал наступавшую сторону, может, даже согласился переметнуться, чтобы служить Германии, изменив присяге данной своему народу. С другой стороны, генерал наверняка понимал, что с него спросят за боевую подготовку, за неготовность к обороне. Но это всё выяснится уже гораздо позже.

Дальнейший путь Ивана, после выписки из госпиталя, лежал сначала в военкомат за получением документа на проезд домой, затем к ближайшей железнодорожной станции, чтоб, согласно предписанию с печатью, отбыть на излечение домой. Ну а через три месяца явиться в местный военкомат.

Но при виде столпотворения на вокзале в Тульчино понял: не пробьется — идет эвакуация. Тогда отправился на узловую станцию Журавлёвка, в 9-ти км от Тульчино. Но и тут тоже многолюдно.

Полковник танковых войск, видя сложившуюся ситуацию, направился к дежурному по станции:

— Есть крытые вагоны? Выгружай соль! — скомандовал он, и тут же обратился к Ивану, потребовав документы. — Вы отставший? Из госпиталя?

Опершись на костыль, Иван предъявил отпускное предписание.

Полковник спросил:

— Будете старшим в вагоне с ранеными?

Иван согласился, понимая, что он-то ещё на ногах, хоть и с костылями, а в вагонах — только лежащие раненые.

Устроившись, Иван моментально провалился в сон. Когда проснулся, стояла гулкая тишина. Он не мог сообразить, что происходит: поезд стоял на рельсах посреди степи, где-то через один горел вагон. А вокруг цвели ромашки и стрекотали кузнечики. Даже мелькнула мысль, не в Раю ли он? Огляделся — никого. «Где же раненые, где люди?». Прошёл вдоль поезда. Оказалось, что паровоз разбомбили. И разворотили колею. «Как долго он спал? Кто-то же занимался эвакуацией раненых, а его не разбудили даже взрывы»... Некоторое время Ивана мучили эти вопросы, но нужно было двигаться дальше. Он вошел в ржаное поле и попробовал бежать. Откуда-то сверху услышал окрик:

— Стой! — подошли трое. — Кто такой?

— Из госпиталя.

С пехотной дивизией, на телеге, отправились в Киев. Днепр буквально кишел от переправлявшихся и стрельбы. На станции грузили битую технику для отправки в ремонт. Иван договорился проехать до Волновахи вместе с техникой. Наконец, поезд Москва— Донбасс: через Кривой Рог, через Запорожье прибыл в город Сталино. Так Иван приехал к бабушке. Здесь он застал отца брата, дядю Фёдора Максимыча, воентехника 442-го полка КАП, полк только еще формировался.

На столе у бабушки среди небогатого обеденного убранства лежала целая головка голландского сыра. Иван не видел раньше таких больших головок сыра. Дядя пояснил, что, когда он был на станции, прибыл состав с битой техникой, к которому были прицеплены четыре вагона голландского сыра — вот так дяде повезло. В этот вечер дядя с племянником долго сидели, как взрослые, говорили о многом. У бабушки нашлось немного самогоночки. Поговорить было о чём: события последних дней не сходили с уст. Иван поделился своими оценками действий военачальников. Его мучило то, что, находясь у самой границы, они драпали от неё, не приняв боя: «Армия называется».

Дядя слушал внимательно, задумчиво. Ему хотелось по-отечески сделать какое-то напутствие племяннику, но так, чтоб тот не вспых-

нул негодованием молодого максималиста, а воспринял его правильно, как заботу о родном человеке. После раздумий он заговорил:

— Вань, а ты не рвись в бой. Так или иначе, а войны когда-нибудь кончатся, жизнь у тебя одна, и мне хотелось бы с тобой снова встретиться, с живым и невредимым.

— Так что, может и не воевать вовсе? Отдать немцам землю русскую и спокойно жить дальше? Дядя Федя, вот ты сможешь мять шапку, склонять голову, быть просителем у начальника-немца на родной своей земле?

— Да какой, Вань, «своей»?

— Ах, вот ты как? Может, ты и не русский вовсе? Потому что у русских испокон веку принято защищать землю, Отечество не «жаляя живота своего».

— Ну так чо ж ты здесь сидишь? — разозлился Дядя Федя. — Вон немцы Киев бомбили уже в первый день войны и глубоко продвинулись... Не такая война сейчас, Ваня. Основные силы, что стояли на границах — смяты, разбиты.

— Авось, справимся, — угрюмо ответил Иван. Он и сам понимал, что задача непростая, но не хотел смириться, да и на товарища Сталина надеялся крепко — он мудрый. — Не впервой ведь, — сказал, — Русь большая... Было же: и татарам дань платили... и поляки Москву жгли, и французы... Тогда мы тоже не готовы были, но ведь выстояли же, ни под кем не остались.

— Ты бы, хлопец, послушал дядю, поболе твоего видал ведь, — встряла бабушка.

Дядя Федя от полемики осторожно воздержался, хоть и жаль было племяша молодого да глупого. Совсем не хотелось потерять родных на этой войне, остаться без близких наедине с бедой.

Но Ивану предстояло ещё добираться к родителям, в Курскую область, поселок Редкодуб. И дядя Федя вызвался проводить его до вокзала. Уже по дороге к вокзалу взволнованным шёпотом он, осторожно оглядываясь по сторонам, пытался убеждать Ивана:

— Молод ты ещё, понятно. Но я прошу тебя: не высовывайся ты, Вань, почём зря, не лезь на рожон. Будет трудно — пригнись, пересяди. Даже в плен лучше попасть, но живым остаться.

И что такого сказал? Всё ж заботой продиктовано.

Но Иван рванул от него, как от чумного. Даже позже, спустя годы, будучи человеком мягким, с лёгким сарказмом вспоминал Иван эти дядины слова, и глаз его загорался холодным огнём. И на попытку дяди навести мосты не отвечал, письма рвал, не читая. И это, пожалуй, было единственное, в чём он оставался непреклонен. Патриотизм, не квасной, не литературный, а органичный — это и есть та скрытая пружинка, что помогала истинно русскому человеку собраться и выпрямиться, выстоять в трудное для страны время.

Но пока еще Ивану предстояло провести три недели домашнего исцеляющего ухода и отдыха в кругу родных, если вообще можно назвать отдыхом будни крестьянского быта.

Как бы там ни было, отдых скоро закончился, и Иван отправился в военкомат. Его направили в 5-й артиллерийский полк в прежнем звании, в должности замполита.

На Волховский фронт Иван попал в декабре 1941 года. Здесь, под Ленинградом, он был принят в партию, как заведено — перед боем, и избран комиссаром батареи. Званием «комбат» он всегда гордился.

И вот в августе 1942 года вышло распоряжение Совета министров об отзыве из действующих частей специалистов железнодорожного транспорта для восстановления разрушенных сетей дорог. И в сентябре Иван был выведен с Волховского фронта на железнодорожный транспорт. И в Исакогорском отделении железной дороги был назначен замом начальника политотдела.

Через два с половиной месяца, в 1942-м, политотделы на транспорте были расформированы. Ивана назначили помощником начальника станции Архангельск-пристань. Рядом станция Бакарица, Бакарицкий порт, который по ленд-лизу принимал военные грузы из США и Великобритании (танки, самолёты и прочее вооружение). Война всё ещё продолжалась.

Ответственным по приёму союзнической помощи из первых лиц страны был Климент Ефремович Ворошилов, и потому чаще иных он наезжал в Архангельск и стремился участвовать во всём сам. Иван уже встречал Ворошилова во время финской войны, теперь же ему пришлось сопровождать Климента Ефремовича при погрузке военной техники на железнодорожные платформы и отправке. При этом, не вникая в специфику, Ворошилов требовал «не дожидаться пока сформируется состав с единой формой сцепления вагонов, винтовой или автосцепкой, а сцепить их как-нибудь». На замечание Ивана отвечал: «Ладно, до Вологды дойдёт». И Ивану пришлось звонить на ближайшую станцию Исакогорки, чтоб переформировали состав, если благополучно дойдёт.

Впрочем, все это, однако, не помешало дружескому расположению, и, по рекомендации Ворошилова, начальник Главсевморпути направил Ивана в Москву, в институт для повышения квалификации. Обучался он у профессора Курочкина, доцента Ступишина. Война всё ещё продолжалась. По возвращении, через полгода после обучения, его назначили начальником противовоздушной обороны. А в это время очередная мобилизация забрала Алексея Максимовича, отца семейства, у пятерых несовершеннолетних детей в Курской области в посёлке Редкодуб, несмотря на то что у него были повреждены позвоночник и сухожилие на правой руке, рука не сгибалась. Его

взяли ездовым — и такие должности были нужны фронту. Алексей Максимович вскоре погиб — в 1943-м под Каунасом. Захоронен в братской могиле.

Даже когда фашистов выгнали за пределы страны, а Ивана перевели в Белоруссию, в город Лунинец для восстановления разрушенных в республике железных дорог, война для него не закончилась. Она не закончилась также и 9-го мая, так как в лесах орудовали банды головорезов. В украинских лесах они назывались «бандеровцы», в Белоруссии «бульбаши», а в прибалтийских республиках «лесные братья». Банды жесточайшим образом мешали восстановлению колхозов, мирному труду. Они вырезали семьи коммунистов и активистов, всех лояльных к строю людей.

Иван работал начальником по станции Лунинец узловая. И, когда приходило очередное известие о резне в какой-нибудь деревне, райком собирал коммунистов и милиционеров, садились в вагон и ехали, иногда и в последний путь. В деревнях ночи были тёмные, улицы электричеством еще не освещались, приходилось поддерживать связь друг с другом переключаясь — хотя враг стрелял на голос. Из этих поездок Иван возвращался опечаленный и рассказывал о зверствах своей молодой жене, белокурой, голубоглазой Варваре, а маленькая дочь подслушивала эти ужасные рассказы и запоминала.

Несмотря на голодное беспризорное детство, на ранения и тяготы войны, послевоенное полуголодное время, мой отец Сапрыкин Иван Алексеевич вырастил и выучил двоих детей, поднял, помог устроиться в жизни пятерым своим братьям и сестре, а также пятерым сёстрам и братьям жены, уже в 14 лет осиротевшей. Они прожили в браке 66 лет. Он ушёл из жизни на 91-м году.

Армянск

